

С.В. Дмитриев
ИВ РАН

Чанъань и столичная жизнь эпохи Западная Хань (по описаниям Бань Гу и Чжан Хэна)

Западноханьская столица Чанъань заслуженно считается в китайской традиции образцом богатейшего города, великолепной столицы могущественной процветающей империи, сравняться славой с которой мечтали едва ли не все владыки, правившие Поднебесной на протяжении последующих веков. Начавшееся полвека назад археологическое изучение Чанъани показало, что этот город действительно заслуживал подобной известности – перед учеными предстала огромная столица, один из самых больших и богатых городов тогдашнего мира (см. подробнее [16, с. 3–144; 3; 4]).

Сведения о Чанъани имеются во множестве источников, как письменных, так и археологических, но в данном исследовании нам бы хотелось обратить внимание читателя на два из них, довольно мало исследованных, но дающих нам уникальную возможность взглянуть на улицы древней Чанъани, окунуться в жизнь ее горожан, понять, какие люди населяли столицу.

Оба эти источника – оды *фу*, вошедшие в *Вэньсюань* 文選 («Собрание [лучших произведений] словесности»), древнейшую из дошедших до нас антологий древнекитайской литературы, составленную в начале VI в. н.э. группой филологов под руководством наследного принца династии Лян 梁 (502–557) Сяо Туна 蕭通 (501–531)¹.

Начать следует, без сомнения, с «Оды о западном стольном граде» (*Си-ду фу* 西都賦), оды, входящей в состав «Од о двух стольных градах» (*Лян-ду фу* 兩都賦) кисти великого ханьского историка Бань Гу (32–92), автора *Хань шу* (оды подписаны им литературным псевдонимом Бань Мэн-цзянь 班孟堅). Две оды прославляют столицы Хань – Чанъань и Лоян, их текст (с небольшими различиями) помимо *Вэньсюани* содержится также в биографии Бань Гу в *Хоу-Хань шу* (см. [21, цз. 70, с. 923–925]). Жизнь Бань Гу довольно хорошо изучена и описана (см. [7, с. 31–37]),

© Дмитриев С.В., 2007

поэтому мы не будем на ней специально останавливаться. Обе оды писались им одновременно с *Хань шу* и были поднесены императору около 65 г. н.э.

Гораздо менее известна жизнь Чжан Хэна 張衡 (78–139), притом что он один из интереснейших людей Китая эпохи Восточной династии Хань, выдающийся астроном, математик, литератор и философ². Источников, рассказывающих о его жизни, весьма немного – это эпитафия, составленная его другом, поэтом Цуй Юанем 崔瑗 (78–143), и биография в *Хоу-Хань шу* (см. [21, цз. 89, с. 969–973]).

Чжан Хэн, потомок семьи обедневших цзиньских *дафу*, после окончания обучения в столичной императорской академии Тайсюэ начал свою службу в родном Наньяне при начальнике округа Бао Дэ 鮑德 и в течение восьми лет (100–108) составлял для него официальные документы, приказы, отчеты и прошения. В 108 г. Бао Дэ получил повышение и уехал в столицу, а Чжан Хэн вернулся домой и несколько лет занимался науками и литературой.

В 111 г. император Ань-ди, прослышав о его талантах в области математики, пригласил Чжан Хэна в столицу. Он был придворным ученым, занимался многими проблемами, связанными с календарем, астрологией и т.п. Про чудеса, созданные изобретательским гением Чжан Хэна, ходили легенды.

Одно из самых известных изобретений Чжан Хэна – сконструированный им сейсмограф, представлявший собой сосуд, на стенках которого были прикреплены восемь фигур драконов, расположенных по странам света. В своих пастьях драконы держали бронзовые шарики. В случае землетрясения противоположный его направлению дракон ронял шарик в рот одной из бронзовых жаб, которые сидели под каждым драконом. Несмотря на то что современным ученым не удалось создать действующую модель такого сейсмографа, Фань Е сообщает, что он действовал и извещал о землетрясениях, произошедших за несколько тысяч *ли* от него. Кроме того, он изобрел тележку-компас с шестереночными передачами, солнечные часы, предложил использовать в картографии прямоугольную систему координат (см. [20, с. 256]).

Чжан Хэн также был одним из самых выдающихся астрономов той эпохи. Он сконструировал армиллярную сферу, его концепция мироустройства изложена в частично дошедших до нас трактатах *Хунь тянь и чжу* 渾天儀著 («Иллюстрированное описание полной армиллярной сферы») и *Лин сянь* 靈憲 («Законы [действия] одухотворяющей силы») (см. [5, с. 325–334]). Чжан Хэн придерживался геоцентрической модели мира, в своих трудах он, почти одновременно с Клавдием Птолемеем, говорит об экваторе, эклиптике, полюсах мира. Чжан Хэн вслед за философом Ян Сюанем 楊玄 (53 г. до н.э. – 18 г. н.э.) считал, что Вселенная бесконечна и непознаваема; скорость движения небесных тел он связывал с их удаленностью от земли. В области математики крупнейшим достижением Чжан Хэна является довольно точное вычисление для той эпохи соотношения длины окружности земли и ее диаметра (т.е. числа π).

Со временем Чжан Хэн добился положения одного из приближенных императора Шунь-ди (126–144), но тут же стал мишенью для нападков евнухов и гадателей, имевших на императора большое влияние, против которого ученый последовательно, но безуспешно боролся. Фань Е приводит в биографии Чжан Хэна написанное им письмо императору, где он, используя исторические примеры, убеждает правителя, что гадатели и заклинатели духов лишь шарлатаны и их усиление – верный знак кризиса. Многие высказывания Чжан Хэна, посвященные ситуации в империи, полны горечи и пессимизма: «[Сейчас думают] непременно [так]: “В ученье нет ничего нужного, а среди гадателей есть [те], кто приближен к императору”. Поэтому [ситуация в стране такова]: река, текущая вниз, все более полноводна, и весел нет!».

Следствием такой принципиальной позиции Чжан Хэна стали его опала и фактически ссылка. В 136 г. он был назначен канцлером (*сяном*) в уделе Хэцзянь, где вошел в конфликт с всемогущими семьями местной знати, которая безнаказанно творила беззакония. Его стихи этого периода как никогда меланхоличны. В 138 г. Чжан Хэн окончательно оставил службу и вскоре умер.

Без всякого сомнения, стихосложение было одним из самых больших талантов Чжан Хэна, творившего под своим вторым именем Чжан Пинцзы 張平子. «Ода о Западной столице» (*Си-цзин фу* 西京賦), которую мы будем использовать в данном исследовании, и «Ода о Восточной столице» (*Дун-цзин фу* 東京賦) были написаны в течение десяти лет, в период его службы в Наньяне, до 108 г. На их написание его вдохновили оды Бань Гу (см. [23, с. 34]), однако цели были несколько иными: Чаньянь, столица Западной Хань, в его изображении предстает символом губительной роскоши и расточительности западноханьских императоров, прежде всего У-ди, которые продолжили худшие традиции Цинь, и потому их гибель была неизбежна. По контрасту с этим разгулом Лоян, столица Восточной Хань, представлен как город постоянных ритуалов и жертвоприношений, в которых обязательно участвует император, скромный и бережливый, ориентирующийся прежде всего на установления эпохи Чжоу. Конечно, это тоже было своего рода поучение правящей династии, предостережение от ошибок, идеальная картина, призванная усовестить современных автору монархов, уступавших основателю династии Гуан У-ди, которому Чжан Хэн очень симпатизировал – и не в последнюю очередь как уроженцу Наньяна. Именно Наньяну, своему родному городу, Чжан Хэн посвятил третью оду цикла, написанную несколько позже, в 108–111 гг., когда сам Чжан Хэн уже не был на службе и жил дома. «Ода о Южной столице» (*Нань-ду фу* 南都賦) проникнута любовью к Наньяну, который описан как богатое и спокойное место, чьи жители бесконечно преданы своему императору.

Оды Бань Гу и Чжан Хэна весьма ценны не только с литературной точки зрения, но и как исторический источник. Во-первых, это довольно объемные произведения, в которых, согласно требованиям жанра, главную роль занимают подробные описания (из-за цепочек синонимов, которыми славились эти классические *фу*, они всегда считались одними из

самых рафинированных и потому трудных для чтения текстов во всей китайской литературной традиции), а во-вторых, они написаны не профессиональными придворными поэтами, а людьми крайне пытливыми, внимательными, образованными, эрудированными и осведомленными, поэтому в них стоит видеть не только красоту слога, но и рассматривать как источник ценной информации для исследователя. Крайне важно, что время жизни обоих авторов не отстояло от описываемых ими событий на несколько веков (случай, вполне обычный для Китая), а значит, даже если в описываемой ими городской жизни следует видеть прежде всего реалии не Западной Хань, а современной им эпохи, то все равно это должно быть весьма схожим с изучаемым нами периодом.

Следует также отметить, что оба текста довольно мало использовались в исторических исследованиях; как на Западе, так и на Востоке они чаще становились объектом внимания филологов, впрочем также далеко не самого пристального. При этом сведения, содержащиеся в обеих одах, принципиально отличаются от данных прочих письменных источников, поскольку во многих фрагментах поэты живо и достоверно описывают повседневную жизнь горожан, которая часто ускользала от внимания официальных историографов. Именно на эти «живые» строки мы и обратим внимание читателя.

Оба автора отмечают величие столицы, четкий план, по которому она построена, высокий уровень благоустройства и унификации жилых кварталов. Бань Гу: «Возвели “бронзовые” стены протяженностью в десятки тысяч *чжи* 雉³, вокруг возвели глубокий ров, пробили широкие трехполосные улицы, поставили 12 ворот, чтобы проникать [в город]. Внутри [города] проспекты и улицы проходят насквозь, ворот и арок [на улицах] почти тысяча» [12, с. 11]. Чжан Хэн: «А вот взглянем на планировку ее (столицы. – С.Д.) стен и предместий, [на каждой] стороне открыты трое ворот, [от каждого ворот идут по] три дороги, ровных и прямых, совокупная [ширина ворот] – 12 колесниц, улицы и тракты взаимно пересекаются⁴. Внутри стен кварталы – прямыми рядами, гребни черепичных крыш – ровно, прямо. Первоклассные резиденции у северных привратных башен [императорского дворца Вэйянгун] расположены вдоль проспекта, прямо [на который] выходят [их] ворота⁵. Собрали искусников, [и они] отдали себя без остатка, [чтобы показать свое] мастерство. В будущем [построенные ими дворцы] не обрушатся и не поблекнут. Дерево обернуто в атлас и узорчатую парчу, [и даже] земля расписана красным и пурпурным. [А] в Арсенале, где хранится оружие [гвардии], [алебарды] расставлены [в стойки] *лань* 蘭, [арбалеты – в стойки] *ци* 錡⁶. Если не Ши или Дун⁷, то кто [иной] может обитать здесь?» [23, с. 43].

Особое впечатление на поэтов производили огромные столичные рынки, до того не виданные в Китае, причем оба автора отмечают, что они хорошо организованы, за порядком надзирают специальные чиновники, а товары строго разделяются по типу, чтобы покупатель быстрее находил то, что ему нужно. «На девяти рынках поставили павильоны, товары там различны по типу, [лавки] четко разделены⁸» [12, с. 11]. «И затем широко

раскинулись девять рынков, проезжие стены снабжены воротами⁹. [В центре каждого из рынков стоит] башня с флагом, [откуда чиновник] наблюдает за сотнями проходов [между лотками и павильонами]. По чжоуским установлениям [рынками ведали] *да сюй* 大胥, ныне же это *вэй* 尉¹⁰. Редкостные товары [со всех четырех] стран света стекаются [сюда], [во множестве, подобном] птичьим стаям да рыбьим косякам. Продающие получают двойную выгоду, [но и] покупатели не в убытке» [23, с. 44]. Чжан Хэн также отмечает, что часть торговых функций брали на себя столичные предместья, где размещались склады и своего рода оптовые рынки, и потому они тоже были богаты и процветали: «В пределах предместий *цзяо* 郊 и земель царского домена *дянь* 甸¹¹ села и города богаты и процветают. Товары [всех] пяти столиц¹² скапливаются [здесь], [здесь их] распродают, [сюда их] привозят» [23, с. 44].

Но больше всего удивляла авторов общая рыночная атмосфера, царящая в этих местах. «Люди не могут повернуть голову, колесницы не могут проехать. Толкаются в городе, толпятся у стен, потоки текут к сотням лавок. Красная пыль наполняет все четыре стороны, дым мешается с облаками» [12, с. 11]. «[Повозки] заезжих купцов, связанные ярмо к ярму, [скрипят и грохочут]: “*инь-инь, чжань-чжань*”. “Одетые в шапки и пояса” беспорядочно перемешиваются в толпе, оглобли [их повозок] сцепляются, задние поперечины соприкасаются» [23, с. 45].

И Бань Гу, и Чжан Хэн отмечают могущество и богатство торговцев, которые, несмотря на наложенные на них государством ограничения в правовом статусе, все равно часто превосходят роскошью аристократические дома. Богатые торговцы были в Китае и раньше, но массовым это явление стало именно при Хань. «Они столь многочисленны и богаты! Бесконечно развлекаются и веселятся! Мужчины и женщины столицы самые изысканные из всех пяти сторон света, странствующие мужи сравнимы с *гунами* и *хоу*! Певички одеты лучше, чем принцессы [царского дома] Цзи¹³» [12, с. 11–12]. «Итак, [здесь] торговцы и лоточники, простолюдине, перекупщики – мужчины и женщины¹⁴. [Они] продают добрый товар, перемешав [его] с дурным, сбивают с толку [простоватых жителей] окраин и предместий. Почему же [одни] изнемогают от тяжелого труда, [в то время как] обманщики получают выгоду, [достаточную для того], чтобы быть зажиточными и иметь достаток?! Мужчины и женщины из тех торговых рядов, [они] прекрасны, одеты красивее и роскошнее, чем [люди из семей] Сюй и Ши¹⁵! Подобно семьям Вэн Бо, Чжо, Чжи, [людям] квартала Чжан¹⁶, [они] «бьют в колокола» и «едят из треножников», [а принадлежащие им] отряды всадников один больше другого. [Вы], *гуны* и *хоу* Восточной Столицы¹⁷, что [ваше] величие может прибавить [к этому]?» [23, с. 44].

Отдельную группу населения составляли так называемые *ю-ся* 游俠, «странствующие рыцари»¹⁸, которые чаще напоминали просто разбойников и бандитов, паразитирующих на городской торговле. Они искали ниши, в которых влияние государства было слабее, чтобы получить доступ к богатствам, обращающимся в столице, и несмотря на то что чиновники

непрерывно боролись с ними, часто в городе их власть не уступала власти столичного губернатора.

«Главари ю-ся храбростью подобны [принцам-героям] [Пинъ]юаню и [Мэн]чану, славой сравнимы с [древними храбрецами] Чунь[шэнем] и [Син]лином¹⁹, объединяются в клики, собирают толпы, скачут верхом и гарцуют среди [своих сторонников]» [12, с. 12]. «Ю-ся столичного града, вроде Чжана [или] Чжао²⁰, желаниями равны У-цзи, идут по стопам Тянь Вэня. [Они] презирают смерть, почитают дух, объединяются в клики, собираются в шайки, “воистину многочисленны их толпы”, “их последователи подобны облакам”²¹. Юань из Маолина²², Чжу из Янлина²³ храбры и отважны, подобны тиграм, подобны диким котам. [Один таков:] гневно взглянет, так, что глаза вылезут из орбит, [в ответ] на [мельчайший] укол – и труп [обидчика] коченеет у обочины. [Другой –] чэньсян, чтобы искупить преступление сына, хотел [его изловить], [и в итоге принцесса] Янши была опорочена, а [оба] Гунсуня – наказаны» [23, с. 44–45].

Чжан Хэн также отмечает особенно раздражавшую его часть населения – странствующих софистов, профессиональных спорщиков. Их появление было следствием урбанизации – те из пришедших в города из сел, кто был образованнее прочих, составили своеобразную интеллигентскую прослойку городских низов. Но, конечно, их интеллектуальный уровень и эрудиция не могли сравниться с элитой, которая посвящала образованию многие годы. К тому же эти люди, зарабатывая своим красноречием, вряд ли могли быть принципиальными и, чтобы победить соперников, были вынуждены выставлять напоказ свои невеликие способности, что, конечно, казалось рафинированным интеллектуалам из высших кругов нескромным и неприличным. «Или как [эти] путешествующие красавчики из пяти уездов²⁴, мужи-мастера диспута, [что] ведут беседы на улицах, спорят в переулках, обстреливают и хорошее и дурное, [готовые] разрезать и разрубить даже [мелочь] размером в хао или ли²⁵, [они] разрывают мышцы, рассекают волокна²⁶. То, что они любят, покрывается пухом и перьями [и взлетает подобно птицам], а то, что они ненавидят, покрывается ранами и язвами²⁷» [23, с. 45].

Таким образом, перед нами предстает очень выпуклый образ города и горожан, которые четко делятся на несколько социальных и профессиональных групп, причем их занятия относятся к специфически городским, существующим только в местах большого скопления людей. Это множество крупных и мелких торговцев, кормящаяся на относительной доступности их денег организованная преступность и вынужденные зарабатывать кусок хлеба собственным образованием и красноречием интеллигенты-«разночинцы». Да, большинство этих людей – вчерашние крестьяне, но они уже ведут жизнь, которая кардинальным образом отличается от жизни их односельчан, оставшихся в деревнях. И их занятия, и внешний вид, и то, как они проводят время, всё специфически городское, что отмечают авторы од.

Впрочем, многие сословия по не вполне ясным причинам остаются вне поля зрения поэтов – вскользь упоминаются чиновники, которые должны были составлять в столице немалый процент населения, совсем «не видим»

мы на городских улицах военных из гарнизона, что более чем странно. Видимо, это можно объяснить тем, что всё, что относится к государственной власти, а именно дворцы и императорские парки, описывается очень подробно, но совершенно отдельно от описания города и горожан. В одах, как и в настоящей столице, это были два разделенных стенами и мало пересекавшихся мира. Конечно, императорские гвардейцы и чиновники жили в городе, ходили на рынки и в увеселительные заведения, но идеологически они относились к тому почти сверхъестественному миру, центром которого был император, бесконечно далекий как от простого горожанина, так и от богатейшего купца или грозного главаря уличной банды.

Мало информации и о ремесленниках. Кроме умелых строителей, которые возвели город, больше в одах мы не встречаем мастеров и умельцев, хотя, конечно, они были – ведь на производимых столичными мастерами товарах отчасти держалась вся эта сказочная торговля. Видимо, тут сыграло роль положение авторов од – ремесленники редко встречались им на улицах, а если и встречались, то трудно было узнать их среди наводящих улицы Чанъани прохожих. В мастерских же, где рождались продаваемые на чанъаньских рынках изделия, придворные астрономы и историографы были, конечно, редкими гостями.

Нетрудно заметить, что Чжан Хэн настроен гораздо критичнее и язвительнее своего предшественника и вдохновителя. Бань Гу восторгается городом, отмечая отдельные недостатки, а Чжан Хэн пусть и находится под обаянием роскоши и влияния столицы Западной Хань, но стремится обратить внимание читателя на расточительность, самомнение и распущенность ее обитателей, как простолюдинов, так и знати, вплоть до императора. Возможно, дело в том, что Чжан Хэн видел упадок Чанъани, чье положение при Восточной Хань так разительно контрастировало с временем предыдущей династии, да и общее положение в стране при Чжан Хэне было куда более тревожным. Причины этого он видел в расточительности правителей Западной Хань (особенно У-ди), что и было столь ярко показано им на примере столицы империи.

Примечания

¹ Подробнее о *Вэньсюани* см. [30].

² О жизни Чжан Хэна см. [20; 6]; часть его философских и литературных произведений переведена на русский язык, см. [1; 2; 8–10].

³ *Чжи* – букв.: фазан (*Phasianus torquatus*). Чжэн Сюань в комментарии к трактату *Као-гун цзи* («Записи об изучении ремесел») поясняет, что это своеобразная мера, равная 30 *чи* в длину и 10 *чи* в высоту (считалось, что фазан не может перелететь преграду выше 10 *чи*) (см. [24, цз. 41, с. 929]). Она использовалась как для измерения высоты, так и для измерения длины, в зависимости от того, о чем идет речь. Размер *чи* в эпоху Чуньцю составлял 19,91 см (см. [22, т. 3, с. 7761]).

⁴ *Гуй 軌* – расстояние между колесами колесницы – популярная древнекитайская мера длины (и особенно, конечно, ширины), равная 8 *чи* (ок. 185 см) (см. [24, цз. 41, с. 928]). По данным археологических раскопок нам известно, что в Чанъани

имелось 12 ворот, по три в каждой стене. В 1957 г. были раскопаны ворота, определенные как Сюаньпинмэнь, Бачэнмэнь, Сианьмэнь и Чжичэнмэнь (см. [15, с. 25]). Все ворота имели по три прохода, по 6 м шириной каждый. В проходах найдены следы колеи от повозок, ширина которой составляет ок. 1,5 м. Таким образом, через них одновременно действительно могло проехать 12 повозок, по 4 через каждый из проходов. Расстояние между последними было не одинаково – это 4 м для ворот Сюаньпинмэнь и Чжичэнмэнь и 14 м для ворот Бачэнмэнь и Сианьмэнь (см. [14, с. 104–105]). Конечно, большее расстояние между проходами делало ворота более впечатляющими. Ворота Бачэнмэнь находились прямо напротив входа во дворец Чанлэгун, а ворота Сианьмэнь – напротив южных ворот Вэйягуна, т.е. имели более значимый статус, чем остальные.

От восьми из двенадцати ворот начинались улицы, являвшиеся главными улицами Чанъани. Самой длинной из них (5600,7 м) ранее считалась улица, начинавшаяся от ворот Аньмэнь 安門 (средние в южной стене); но после проведения съемки выяснилось, что улица, начинавшаяся у ворот Чжичэнмэнь, не упиралась, как считалось ранее, в западную стену дворцового комплекса Чанлэгун, а проходила через дворец и заканчивалась у ворот Бачэнмэнь в восточной стене. Таким образом, именно ей следует отдать пальму первенства – ее длина равна 6081,3 м. Однако, по всей видимости, ее значение в качестве транспортной магистрали все же было не столь велико – ведь ее часть, проходящая через Чанлэгун, вряд ли была открыта для перемещений простого народа (см. [17, с. 40, 46–47]), в отличие от «предыдущего лидера» среди улиц, вся протяженность которой приходится на городскую территорию вне дворцов. Самая короткая (839,4 м) улица начиналась от ворот Лочэнмэнь 洛城門 (восточные ворота северной стены), в среднем длина улиц составляла ок. 3000 м.

Все улицы имели приблизительно 45 м в ширину и делились двумя полукруглыми в профиле сточными канавами (90 см в ширину и 45 см в глубину) на три части. Центральная часть, шириной 20 м, предназначалась для императора, императорских гонцов и высших сановников. Боковые части улицы, предназначавшиеся для простолюдинов, имели 12 м в ширину каждая (см. [16, с. 5]). Деление улиц на три части объясняет, почему городские ворота имели по три прохода. Все улицы были строго ориентированы по странам света и пересекались, образуя Т-образные и крестообразные перекрестки. Город делился ими на крупные прямоугольные кварталы.

Построение данного пассажа таково, что может показаться, что автор оценивает в 12 колеи совокупную ширину не ворот, но улиц. Так понимают это и комментаторы Сюэ Цзун (жил в середине III в. н.э.), Ли Шань и Люй Янь-цзи (жил в конце VII в.) (см. [23, с. 43]), и переводчики (см. [33, с. 3; 32, с. 104]); эта цифра вошла и в более поздние письменные источники (см. [18, цз. 1, с. 33–34]). Однако при жизни Чжан Хэна Чанъань еще должна была в целом сохранить свой западноханьский облик, поэтому трудно предположить, что автор мог так ошибаться в оценке ширины улиц. Хотя не исключено, что ко временам Восточной Хань боковые части улиц были застроены домами и нетронутой осталась лишь ее центральная часть шириной ок. 20 м, что как раз примерно соответствует ширине в 12 колеи. Но нам это кажется маловероятным – ведь население восточноханьской Чанъани было гораздо малочисленнее, чем при предыдущей династии, когда там размещалась столица.

⁵ У северных привратных башен Вэйянгуна (северные ворота были парадным входом во дворец), чуть южнее другого дворца – Гуйгуна размещался вытянутый вдоль проспекта квартал самых престижных резиденций аристократии и придворных. Автор подчеркивает, что ворота домовладений выходят прямо на один из главных проспектов – в отличие от достаточно беспорядочных кварталов простонародья, где двери домов выходили на извилистые переулочки.

⁶ По результатам раскопок 1975 г., Арсенал (*У-ку* 武庫) находился между дворцами Чанлэгуна и Вэйянгуна и, по всей вероятности, использовался для хранения не только оружия, но и государственных ценностей. Он был окружен стенами (с-ю – 320 м, в-з – 880 м), еще одна стена делила хранилище надвое, причем в восточной части было 4 складских здания, а в западной – 3. Самое большое из помещений имело 230 м в длину и 46 м в ширину и делилось на четыре зала, каждый площадью порядка 1500 м². В них сохранились каменные платформы – видимо, на них и держали оружие. Назначение этих построек было выяснено благодаря находке многочисленных остатков оружия: алебард (*цзи* и *гэ*), копий, мечей, стрел и доспехов. Арсенал был сожжен во время смуты Ван Мана (в 9 г. н.э. сверг Западную Хань и провозгласил себя императором новой династии – Синь, которая удержалась у власти до 25 г.; сам Ван Ман умер в 23 г.), но потом восстановлен на прежнем месте (см. [16, с. 7]).

⁷ Оба – временщики и фавориты, которых так ненавидел Чжан Хэн, причем характерно, что оба они не относились к высшей аристократии, их богатство и влияние были лишь следствием их фавора у императора, а также казнокрадства. Ши Сянь 石顯 (74–49), по прозвищу Ши Цзюнь-фан 石君房, в молодости был осужден и подвергнут кастрации, стал евнухом и был назначен *чжун шан-шу* 中尚書 (чиновник, ведавший императорской канцелярией), затем дослужился до поста *чжун шу-лина* 中書令 (главный секретарь государственной канцелярии). Поскольку Юань-ди (правил в 48–33 гг. до н.э.) был подвержен болезни и часто не мог сам принимать решения, то многие государственные дела решал Ши Сянь (см. [13, цз. 93, с. 709]). Дун Сянь 董賢, по прозвищу Дун Шэнцин 董聖卿, был фаворитом Ай-ди (6–3 гг. до н.э.), которому понравились его манеры и внешность. Он был осыпан милостями, получал самые пышные титулы и важные должности. Однажды император даже высказал желание передать ему трон, но его отговорил сановник Ван Хун.

Он выстроил себе огромную резиденцию у северных привратных башен дворца, «при обработке дерева и земли было показано крайнее мастерство, колонны и балюстрада были обернуты в атлас и узорчатую парчу» [13, цз. 93, с. 710] (Чжан Хэн, описывая эти дворцы, использует почти точную цитату из Бань Гу, чего, впрочем, не отмечают переводчики и комментаторы).

На смертном ложе Ай-ди еще раз высказал желание передать трон своему любимцу и оставил ему императорскую печать. Поэтому уже в день смерти императора, 15 августа 3 г. н.э., по совету Ван Мана Дун Сянь был лишен всех титулов и рангов знатности, а на следующий день покончил жизнь самоубийством (см. [29, с. 227–228]).

Согласно Бань Гу, казна была значительно истощена подарками Дун Сяню (в том числе постройкой его дворца) и многочисленным членам его семьи. Интересно, что автор *Хань шу* (которая, судя по всему, была одним из основных источников

Чжан Хэна) в данной главе использует для обозначения казны термин Арсенал (*У-ку*) (см. [13, цз. 93, с. 710]), что привносит в текст дополнительную ироничность. Автор, видимо, намекает, что обитать в таких хоромах могли только казнокрады – возможно, что на первый взгляд вполне благостное описание Арсенала как раз должно было намекнуть читателю, что благодаря таким фаворитам казна может похвастаться только алебардами да арбалетами и ничего более ценного в ней не осталось.

⁸ Из многих источников известно, что в Чанъани было девять рынков. Районы рынков находились севернее дворцов Гуйгун и Бэйгун, в северо-западном «углу» города. Севернее Гуйгуна размещались Западные рынки (Си-ши 西市), севернее Бэйгуна – Восточные рынки (Дун-ши 東市). По *Хань шу*, Западные рынки были построены сразу после окончания постройки стены, в 189 г. до н.э. (см. [13, цз. 2, с. 377]). Местоположение рынков известно прежде всего из письменных памятников, например, в *Сань-фу хуан-ту* сказано, что рынки находились у ворот Юнмэнь, по обе стороны от улицы, идущей от ворот Хэнмэнь. Восточные рынки включали в себя три рынка, а остальные шесть были в Западных рынках, каждый из девяти рынков был окружен стеной и представлял собой квадрат со стороной в 266 бу (ок. 369 м), площадь его, таким образом, составляла ок. 13,6 га (см. [18, цз. 2, с. 93–102]). В этом районе действительно обнаружено много керамики и монет (см. [27, с. 56]). В то же время существует предположение, что в черте города в действительности находились только два рынка, а остальные семь, менее важные, располагались вне города (см. [29, с. 575]).

⁹ Структура рынка подробно описана в 14-й *цзюани Чжоу ли*, в разделе *Ди-гуань* 地官 («Чиновники группы Ди»). Там сказано, что рынок представлял собой большой квадратный двор, в центре которого стояла вышка управляющего рынком. Территория рынка была четко разделена управляющим чиновником на огороженные сектора, в каждом из которых продавались разные виды товаров. Торговля начиналась и заканчивалась по сигналу управляющего (см. [24, цз. 14, с. 734]).

¹⁰ Согласно *Чжоу ли*, рынками ведали двое *сы-ши* 司市 («управляющие рынками») (об обязанностях *сы-ши* см. [24, цз. 14, с. 734–735]), в подчинении *сы-ши* помимо прочих находилось 12 мелких чиновников, называвшихся *сюй* (см. [24, цз. 9, с. 698]), поэтому здесь автор именуется *сы-ши* «да сюй» – главный *сюй*. В период Хань эти функции исполнял Главноуправляющий трех столичных округов (*Сань-фу ду-вэй* 三輔都尉) (см. [18, цз. 2, с. 35]), здесь именуемый просто *вэй*.

¹¹ Сюэ Цзун поясняет, что с чжоуского времени *сяо* назывались земли в пределах 50 *ли*, а *дянь* – 100 *ли* от столицы (см. [23, с. 45]).

¹² Имеется в виду весь Китай. Пятью столицами в западноханьское время называли пять крупнейших, после Чанъани, городов – Лоян, Ханьдань (бывшая столица Чжао, Хэбэй), Линьцзы (бывшая столица Ци, в Шаньдуне), Вань (Наньян, Хэнань) и Чэнду (Сычуань) (см. [22, т. I, с. 157]).

¹³ Цзи 姬 – правящий дом царства Чжоу, чьи принцессы, особенно после утраты чжоускими ванами реального политического влияния (но не традиционного авторитета), часто становились женами правителей древнекитайских царств.

¹⁴ Согласно *Чжоу ли*, в течение дня работало три рынка. «Большой рынок открывается после полудня, он предназначен для простонародья. Утренний рынок открывается в утреннее время, он предназначен для торговцев. Вечерний

рынок открывается в вечернее время, он предназначен для тех, кто перепродает» [24, цз. 14, с. 734].

¹⁵ Оба рода – из высшей ханьской аристократии. Ши Лян-ди 史良娣 приходилась бабушкой Сюань-ди (73–49), и после того как он взошел на престол, сын ее старшего брата Ши Гао 史高 получил титул Лэлинского хоу (Лэлин 樂陵 – город на севере Шаньдуна) (см. [13, цз. 97 A, с. 731]). К семье Сюй 許 принадлежала супруга Сюань-ди, мать императора Юань-ди (ее храмовое имя – Сяо Сюань Сюй хуан-хоу). Ее род пользовался большим влиянием во время правления Юань-ди, который пожаловал своему деду по матери, Сюй Гуан-ханю 許廣漢, титул Пиньэньского хоу (Пиньэнь 平恩 – город в Хэбэе, в 70 км к востоку от Ханьдяня) (см. [13, цз. 97 A, с. 731–732]). Жена Чэн-ди (32–5 гг. до н.э.) Сяо Чэн Сюй хуан-хоу также происходила из этой семьи (см. [13, цз. 97 B, с. 732–733]).

¹⁶ Все это – имена знаменитых торговцев, купеческих семей и кланов. Бань Гу пишет: «Вэн Бо 翁伯 торговал салом и могуществом превосходил города и уезды, семья Чжо 濁 торговала рубцом и сушеным мясом и содержала отряд всадников, семья Чжи 質 делала ножи и мечи и «ела из треножников», люди из квартала Чжан 張 (по-видимому, они были членами одного клана. – С.Д.) занимались снадобьями для лошадей и «били в колокола» (имеется в виду устройство роскошных пиров, во время которых били в колокола. – С.Д.)» [13, цз. 91, с. 706]. Н. Свонн поясняет, что «есть из треножников» – значит во время церемониальных пиров выставлять пять треножников с говядиной, бараниной, свиной, рыбой и олениной, что было исключительной привилегией высшей знати (см. [31, с. 460, прим. 295]).

¹⁷ Здесь автор обращается к современной ему знати. Восточная столица – Лоян, столица Восточной Хань.

¹⁸ Сыма Цянь, который первым из известных нам авторов выделил эту категорию населения, описывает ряд благородных и принципиальных людей, в основном политиков, воинов и полководцев, которых он называет *ю-ся*, но признает, что людей, называющих себя так же, но по сути являющихся просто разбойниками, гораздо больше (см. [19, цз. 124, с. 347]).

¹⁹ Чжаоский принц Чжао Шэн 趙勝 (Пинъюань-цзюнь 平原君), циский Тянь Вэнь 田文 (Мэнчан-цзюнь 孟嘗君), чуский Хуан Се 黃歇 (Чуньшэнь-цзюнь 春申君) и вэйский Вэй У-цзи 魏無忌 (Синьлин-цзюнь 信陵君) – могущественные принцы III в. до н.э. Они играли значительную роль в бурной истории тогдашнего Китая, были знамениты своей храбростью и мудростью, а также тем, что были окружены многочисленными клиентами, среди которых были и известные мудрецы-дипломаты, и прославленные воины (их биографии см. соответственно [19, цз. 76, с. 268–269; цз. 75, с. 266–268; цз. 78, с. 271–272; цз. 77, с. 269–270]).

²⁰ Имеются в виду известные *ю-ся* Чанъани – стрелодел Чжан Хуэй 張回 (Чжан Цзинь 張禁), по кличке Чжан Цзы-ло 張子羅, и виноторговец Чжао Фан 趙放, по кличке Чжао Цзюнь-ду 趙君都. Под их командой были многочисленные шайки бойцов, терроризировавшие столицу. Оба убиты столичным губернатором Ван Цзунем 王尊 (см. [13, цз. 92, с. 707]).

²¹ Это прямые цитаты соответственно из *Шан шу* («Записи о прошлом») (см. [25, цз. 8, с. 161]) и *Ши цзина* («Книги песен») (стихотворение *Би-гоу* («Порванная сеть») (см. [26, цз. 52, с. 353]) в переводе А. Штукина «Совсем обветшала мерзавка» (см. [11, с. 87]). Возможно, Чжан Хэн иронизирует, используя для описания

бандитских шаек цитаты из самых почитаемых книг конфуцианского канона. Той же цели, конечно, служит и их сравнение с героями древности. В данном случае мы видим, что подобная ирония не была чужда и гораздо более далекому от критики Бань Гу.

²² Юань Шэ 原涉, по прозвищу Юань Цзюй-сянь 原巨先 – ю-ся, живший в конце Западной Хань. Бань Гу пишет: «Шэ внешне был мягок и гуманен, а внутри – скрытен и терпелив, любил убивать. Гневно смотрел, так, что глаза вылезали из орбит, на [любое], что может его замарать. Из тех, кто соприкасался с ним, умерших воистину много» [13, цз. 92, с. 708]. Маолин 茂陵 (село Сиу-сян 西吳鄉, в 10 км к северо-востоку от современного г. Синпин 興平, пров. Шэньси) – один из городов-мавзолеев, уездных центров, размещенных неподалеку от Чанъани, основан У-ди, который сразу после своего вступления на престол начал строить здесь свою гробницу. До того эти земли входили в уезд Хуайли. По данным *Гуаньчжун цзи* («Записи о Гуаньчжуне»), специально для охраны императорского мавзолея в созданный уезд было переселено 10 000 семейств (см. [28, т. II, с. 427–428]). Во 2 г. н.э. в уезде жило 277 277 человек, 61 087 семейств. При Ван Мане назывался Сюаньчэн 宣城 (см. [13, цз. 28 А, с. 514]).

²³ « [В 92 г. до н.э.] Гунсунь Хэ 公孫賀 был чэнсяном (первым министром (см. [63, цз. 19 А, с. 437]). – С.Д.), [его] сын [Гунсунь] Цзин-шэн 敬聲 был тайпу 太僕 (императорский конюший (см. [13, цз. 19 А, с. 438]. – С.Д.), он присвоил деньги, [которые должны были пойти на жалованье] Северной армии, 19 миллионов, и был [за это] заключен в тюрьму. В это время поступил приказ арестовать янлинского Чжу Ань-ши 朱安世, но не могли преуспеть [в этом]. Император попросил об этом [Гунсунь] Хэ, а тот испросил разрешения поимкой Ань-ши искупить вину Цзин-шэна. Император согласился. В итоге ему удалось заполучить Ань-ши. Ань-ши был большой [ю-]ся столичного округа... Ань-ши, оказавшись в тюрьме, подал письмо на высочайшее имя, в котором говорилось, что Цзин-шэн вступил в тайную связь с [принцессой] Ян-ши 陽石. Из-за этого отец и сын умерли в тюрьме» [13, цз. 66, с. 630–631].

²⁴ Под пятью уездами (*у-сянь* 五縣) имеются в виду т.н. Пять гробниц – пять мавзолеев ханьских императоров, находившихся к северу от Чанъани. Это могила Гао-цзу (206–195) – Чанлин 長陵, в 40 *ли* к северу от Чанъани, Хуэй-ди (194–188) – Аньлин 安陵 (35 *ли* к северу), Цзин-ди (156–141) – Янлин 陽陵 (45 *ли* к северо-востоку), У-ди – Маолин (80 *ли* к северо-западу) и Чжао-ди – Пинлин 平陵 (70 *ли* к северо-западу от Чанъани).

²⁵ Хао 豪 – одна тысячная цуня (т.е. ок. 0,0231 мм), *ли* 釐 – 10 хао.

²⁶ Чжан Хэн показывает, что эти мастера спора, профессиональные ораторы-софисты, готовы спорить по любому поводу, защищать любую точку зрения и в своем анализе доходить абсурдно далеко, стремясь разять на составные части даже мельчайшее. Интересно, что он использует метафоры, явно сближающие ораторов с описывавшимися выше разбойниками.

²⁷ То есть то, что они расхваливают (хотя, по сути, им все равно, что хвалить), становится знаменитым, а то, что они бичуют, – погибает.

Литература

1. *Городецкая О.М.* От иероглифа к слову: китайская поэзия по-русски // XXXII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2002.
2. *Городецкая О.М.* Четырежды «четыре печальных стиха» (к вопросу о принципах перевода китайской поэзии) // XXXIII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2003.
3. *Дмитриев С.В.* Основные компоненты ханьского города на примере Чаньани // XXXII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2002.
4. *Дмитриев С.В.* Новые методы в китайской археологии. Топографическая съемка ханьской Чаньани, ее цели и результаты // Древний Восток и античный мир. Вып. VII. М., 2005.
5. Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М., 1990.
6. *Кобзев А.И., Юркевич А.Г.* Чжан Хэн // Китайская философия. Энциклопедический словарь. М., 1994.
7. *Синицын Е.П.* Бань Гу – историк древнего Китая. М., 1975.
8. *Чжан Хэн.* «Си-цзин фу» (Ода о Западной столице). Перевод и комментарий С.В. Дмитриева // Древний Восток и античный мир. Вып. V. М., 2002.
9. *Чжан Хэн.* «Си-цзин фу» (Ода о Западной столице). Перевод и комментарий С.В. Дмитриева (продолжение) // Древний Восток и античный мир. Вып. VI. М., 2003.
10. *Чжан Хэн.* «Си-цзин фу» (Ода о Западной столице). Перевод и комментарий С.В. Дмитриева (продолжение) // Древний Восток и античный мир. Вып. VII. М., 2005.
11. Ши цзин. Книга песен и гимнов. Пер. А. Штукина. М., 1987.
12. *Бань Гу.* Си-ду фу («Ода о Западном стольном граде») // Лю чэнь чжу Вэньсюань. Сы-ку цюаньшу («Собрание [лучших произведений] словесности» с комментариями шести сановников. Собрание книг четырех хранилищ). Тайбэй, 1986. Т. 1330.
13. *Бань Гу.* Хань шу (История династии Хань) // Эр-ши у ши (Двадцать пять династийных историй). Шанхай, 1986. Т. 1.
14. *Ван Чжун-шу.* Хань Чаньань-чэн каогу гунцзо чубу шохо (Первые достижения археологических работ в ханьской Чаньани) // Каогу тунсюнь. 1957, № 5.
15. *Ван Чжун-шу.* Хань Чаньань-чэн каогу гунцзо шохо сюэци (Продолжение изложения достижений археологических работ в ханьской Чаньани) // Каогу тунсюнь. 1958, № 4.
16. *Ван Чжун-шу.* Ханьдай каогусюэ гайшо (Обзор археологии истории династии Хань). Пекин, 1984.
17. *Дун Хун-вэнь, Лю Ци-хэ* и др. Хань Чаньань-чэн ичжи цэхуэй яньцзю ходэ дэ синь синьси (Новые сведения относительно ценных результатов изучения городища ханьской Чаньани посредством топографической съемки) // Каогу юй вэнь. 2000, № 5.
18. Сань-фу хуан-ту цзяо-ши («Желтый чертеж трех столичных округов» с замечаниями и пояснениями). Сост. Хэ Цин-гу. Пекин, 2005.
19. *Сьма Цянь.* Ши цзи (Записи историографа) // Эр-ши у ши (Двадцать пять династийных историй). Шанхай, 1996. Т. 1.

20. *Сюй Цзе*. Чжан Хэн пин чжуань (Критическая биография Чжан Хэна). Нанкин, 1999.
21. *Фань Е*. Хоу-Хань шу (История поздней династии Хань) // Эр-ши у ши (Двадцать пять династийных историй). Шанхай, 1986. Т. 2.
22. Хань-юй да цыдянь (Большой словарь китайского языка). Под ред. Ло Чжуфэна. Шанхай, 1997. Т. 1–3.
23. *Чжан Хэн*. Си-цзин фу (Ода о Западной столице) // Лю чэнь чжу Вэньсюань. Сы-ку цюаньшу («Собрание [лучших произведений] словесности» с комментариями шести сановников. Собрание книг четырех хранилищ). Тайбэй, 1986. Т. 1330.
24. Чжоу ли (Чжоуские ритуалы) // Шисань цзин чжушу («Комментированное тринадцатикнижие»). Т. 1. Шанхай, 1997.
25. Шан шу (Записи о прошлом) // Шисань цзин чжу-шу (Комментированное тринадцатикнижие). Шанхай, 1997. Т. 1.
26. Ши цзин (Книга песен и гимнов) // Шисань цзин чжу-шу (Комментированное тринадцатикнижие). Шанхай, 1997. Т. 1.
27. *Юй Вэй-чао*. Хань Чанъань-чэн си-бэй бу каоча цзи (Записи об изысканиях в северо-западной части ханьской Чанъани) // Каогу тунсюнь. № 5, 1966.
28. *De Groot J.J.M.* Religious system of China. Т. 1–6. Leiden, 1892–1910.
29. The Cambridge History of China. Vol. 1 (The Ch'in and Han empires. 221 BC – AD 220). Ed. by D. Twitchett and M. Loewe. Cambridge, 1986.
30. *Knechtges D.R.* Introduction // *Xiao Tong*. Wen xuan, or Selections of refined literature. Vol. 1: Rhapsodies on Metropolises and Capitals. Trans. and annot. by D.R. Knechtges. New Jersey, 1982.
31. *Swann N.* Food and Money in Ancient China. Princeton, 1950.
32. *Xiao Tong*. Wen xuan, or Selections of refined literature. Vol. 1: Rhapsodies on Metropolises and Capitals. Trans. and annot. by D.R. Knechtges. New Jersey, 1982.
33. *Zach E. von*. Übersetzungen aus dem Wenhsuan von dr. Erwin von Zach. Sinologische Beiträge 2. Batavia, 1935.